

Константин Богданов

Советское шампанское: праздничная история

Эмоциональный опыт, который мы связываем с советской культурой, можно определить как «смешанные чувства». Историческое знание о советском прошлом и мемуарная литература о нем же в этом смысле неслучайно обнаруживают разительные диссонансы, которые равно оправдывают как тоталитарную, так и ревизионистскую парадигмы в интерпретации советской истории. Давно замечено, что в ностальгических воспоминаниях о советском прошлом респонденты социологических опросов предсказуемо выделяют такие характерные и утраченные сегодня, по их мнению, ценности советского коллективизма, как духовность, душевность, доброта, радость и т.п.¹ Вместе с тем конкретные вопросы об особенностях быта, условиях работы, идеологии и политике заставляют тех же респондентов противоречить самим себе, и тогда советская действительность предстает действительностью взаимного отчуждения, подозрительности и жестокости.

Десять лет назад психолог и экономист Дэниел Канеман в статье «Объективное счастье» напомнил о давних мечтаниях Джереми Бентама и викторианского экономиста

Константин Анатольевич Богданов

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург /
Университет Констанца,
Германия
konstantin.bogdanov@
uni-konstanz.de

¹ См., например, материалы опросов Фонда Общественное Мнение, размещенные на сайте «База данных ФОМ» <<http://www.fom.ru/>>: Межличностное доверие и взаимопомощь в российском обществе; Духовность — вчера и сегодня; Дружья и дружба.

Фрэнсиса Эджуорта об изобретении прибора («гедониметра»), который бы позволил определять индекс социальной удовлетворенности на основании показателей индивидуальных чувств [Kahneman 1999] (см. также: [Alexandrova 2005]). Надежды на изобретение такого прибора высказываются по сей день, но при отсутствии новоизобретенных психометрических методик единственной шкалой, выступающей в роли диагностического метода эмоциональной самооценки коллектива, по-прежнему служат слова, которыми эти чувства определяются. Прежде всего речь идет о так называемых эмоциональных концептах. Именно такие концепты артикулируют перформативные приемы коммуникативного самоубеждения. Украшая речь, они вместе с тем придают ей эмоционально мотивируемый и одновременно семантически регламентируемый смысл. Вильям Редди предложил, как известно, на этом основании говорить вообще не об эмоциях, но об «эмотивах», т.е. о выражении эмоций в языке. Это обстоятельство представляется важным, поскольку языковые определения эмоций являются прежде всего дифференцирующими и, соответственно, *социально предписывающими* понятиями [Reddy 1999; 1997], которые следует отличать от эмоций как таковых, поскольку последние с психологической точки зрения имеют не дискретную, а непрерывно-зонную структуру, препятствующую их однозначному разграничению [Винарская 2001: 12–13]. Иными словами: только будучи названными, эмоции обретают семантическую различимость и дискурсивную воспроизводимость в культуре и идеологии.

Все эти рассуждения применительно к заявленной теме представляются важными в двух отчасти содержательных и отчасти методологических отношениях. Одно из них собственно лингвистическое. В качестве предписывающих понятий эмотивы указывают не только на сферу позитивных или негативных переживаний, но и на связываемую с ними сферу фонового знания, подразумевающего некоторую опорную — регулярно воспроизводимую — номинацию. Так, понятие удовольствия может подразумевать представление о сексе, а может — и о хорошо приготовленном бифштексе. Иными словами: эмотивы, хотя и формализуют индексацию социальной удовлетворенности, функционируют в контекстуальном соподчинении с другими дискурсивными маркерами, совсем необязательно эмотивного характера. С этой точки зрения социолингвистический аналог гедониметра, о котором мечтали Бентам и Эджуорт, предполагает некоторый частотно-сопоставительный словарь языковых концептов. На мой взгляд, такой словарь вполне представим, но очень важно, чтобы описание таких концептов делалось с учетом исторической динамики и транс-

формации связываемого с ними контекста, поскольку в ином случае — и примеры такого рода в отечественной лингвистике, к сожалению, очень многочисленны — дело заканчивается формализацией самодостаточных и исторически устойчивых «языковых картин мира».

Второе методологическое следствие, которое можно извлечь из того же рассуждения, касается возможностей, которые связываются с методиками исторического описания в аспекте его ретроспективной и ценностной масштабируемости. Давно замечено, как разнятся представления о русской истории при смене ее «векторных» доминант — если она описывается, условно говоря, не от Ивана Грозного к Петру Великому и, далее, к Ленину и Сталину, но, например, от Алексея Михайловича к Екатерине Второй и Александру II. Исследования в области устной истории и дискурсивного анализа культуры убеждают в таких различиях еще больше. Какие представления в этих случаях надлежит считать «более правильной историей» — вопрос по меньшей мере сложный.

Сказать, что история советского шампанского может в данном случае, условно говоря, «заменить» собою историю СССР, было бы, конечно, слишком смело. Но дополнить и в чем-то осложнить ее она определенно может, особенно если приглядеться к деталям хронологических совпадений этой истории с, так сказать, «хрестоматийной» историей СССР.

Ключевые вехи в истории советского шампанского выглядят следующим образом. Заявление о намерении дать советскому народу доступное игристое вино было одним из первых постановлений Совета народных комиссаров под председательством любившего выпить Алексея Ивановича Рыкова в 1924 г., отменившего введенный еще в 1914 г. «сухой закон» (с именем Рыкова связана выпущенная в том же 1924 г. первая советская 27-градусная водка, получившая в народе название «рыковка»). К этому времени советские граждане знали о шампанском либо по давним воспоминаниям, либо понаслышке. Столичные запасы шампанского были опорожнены еще в феврале 1917 г., поставки французского шампанского прекратились после Октября. А единственный завод в Абрау-Дюрсо, где в 1924 г. еще производилось отечественное шампанское, был маломощным: шампанское здесь изготавливалось традиционным и трудоемким бутылочным методом шампануаз. К тому же и само это производство постоянно находилось в осаде революционно-настроенных граждан. В 1919 г. эта осада едва не стоила жизни заведующему производством Абрау-Дюрсо Антону Михайловичу Фролову-Багрееву (1877–1953). Тогда вооруженные пролетарии потребовали от него выдать им все за-

пасы вина, а когда он отказался, его приговорили к расстрелу. Арестованного винодела спасли рабочие его хозяйства. Сначала они прятали его в подвалах среди бочек, а затем подали коллективную петицию с требованием прекратить безобразия и самоуправство. На этот раз требование возымело действие, и Фролов-Багреев был освобожден. Освобожденному виноделу было суждено сыграть ключевую роль в технологической истории советского шампанского [Мержаниан 1978]. Собственно, и сама его биография — сюжет для романа, но здесь из любви к совпадениям отмечу лишь, что Фролов-Багреев родился на год раньше Сталина, а умер в один с ним год пятью месяцами позже.

В 1928 г. для шампанского, производившегося в Абрау-Дюрсо, Советом народного хозяйства была утверждена марка «Советское шампанское». И эту дату также можно счесть вполне знаковой — это год начала помпезно провозглашенного первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, положивший начало массовой коллективизации и принудительным хлебозаготовкам.

Дальнейшей вехой в истории «Советского шампанского» стало заседание Политбюро 28 июля 1936 г., когда при личном участии Сталина и за его подписью было принято Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О производстве “Советского шампанского”, десертных и столовых вин», предусматривавшее строительство заводов по производству шампанских вин на территории крупнейших городов СССР, должное обеспечить выпуск 12 млн бутылок в течение ближайшей пятилетки.

Занятно, что и это постановление было принято в, так сказать, судьбоносный для страны момент — окончание процесса над «врагами народа» по делу «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра» — за две недели до оглашения результатов следствия, проведенного НКВД, и начала показательного судебного процесса в Октябрьском зале Дома Союзов, закончившегося расстрелом 16 подсудимых во главе с Зиновьевым и Каменевым.

Общественное умонастроение 1936 г. вообще удивительным образом определяется двумя дискурсивными составляющими — гневным хором осуждения «врагов народа» и всеобщим ликованием о тех радостях, которые прозревались за словами Сталина о том, что «жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее». Эти слова Сталина (сказанные в связи с отменой в стране карточной системы и заявленного увеличения снабжения населения хлебом, мукой и крупами) были незамедлитель-

но восприняты в перформативном и санкционирующем смысле. Я уже имел возможность писать о том, что «количество» радости, захлестнувшей страну после сталинского резюме, измеряется в экстенсивной тиражируемости песенного веселья, кинематографического смеха и изобразительного юмора. Основные медиа массовой культуры второй половины 1930-х гг. — кино, радио и газета — изобретательно демонстрируют готовность советского человека не только к труду и обороне, но и к политически поощряемому задору. Гимном такого задора в 1936 г. стала песня В.И. Лебедева-Кумача на музыку А.В. Александрова, придавшая словам Сталина музыкальный рефрен застольного тоста:

*Хочется всей необъятной страной
Сталину крикнуть «Спасибо, Родной!»,
Долгие годы живи, не болей.
Жить стало лучше, жить стало веселей!*

[Богданов 2009: 192, след.]

Атрибутом же партийно-гарантированной радости отныне стало «Советское шампанское». Руководивший советской пищевой промышленностью Анастас Микоян тогда же объяснял постановление совнаркома о резком увеличении производства шампанских вин следующим образом:

Товарищ Сталин занят величайшими вопросами построения социализма в нашей стране. Он держит в сфере своего внимания все народное хозяйство, но при этом не забывает мелочей, так как всякая мелочь имеет значение. Товарищ Сталин сказал, что стахановцы сейчас зарабатывают много денег, много зарабатывают инженеры и трудящиеся. А если захотят шампанского, смогут ли они его достать? Шампанское — признак материального благополучия, признак зажиточности [Большевик 1936: 59].

В другой своей речи в том же 1936 г. Микоян, кстати сказать, доходчиво объяснял, что выпивка выпивке — рознь, и разоблачал легенду о русском пьянстве:

Некоторые думают и говорят о том, что у нас, мол, много водки пьют, а за границей, вот, мало пьют. Это в корне неверное представление. Вот цифры душевого потребления водки, вина и пива в переводе на чистый спирт в 1931 году: во Франции — 18,9 литра, в Бельгии — 11,2, в Англии — 3,2, в СССР — 1,6... Но почему же до сих пор шла слава о русском пьянстве? Потому, что при царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили, именно чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь. Достанет иногда человек на бутылку водки и пьет, денег при этом на еду не хватало, кушать было нечего, и человек напивался пьяным. Теперь веселее стало жить. От хо-

рошей и сытой жизни пьяным не напьешься <...> Весело стало жить, значит, и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудка не терять и не во вред здоровью (цит. по: [Безелянский 2001: 57]).

Важно заметить, что намеченные совнаркомом планы по массовому производству советского шампанского были к этому времени уже технологически обоснованы. Основные достижения на этом пути были подготовлены усилиями Фролова-Багреева, продолжавшего возглавлять шампанское производство в Абрау-Дюрсо и при этом активно работавшего над внедрением резервуарного способа шампанизации. Фролов-Багреев усовершенствовал имевшиеся к тому времени европейские технологии резервуарного изготовления игристых вин (с целью ознакомления с этими технологиями в том же 1936 г. Фролов-Багреев командирован в Германию, Францию и Италию) тем, что в отличие от них брожение и охлаждение шампанизированного вина стало в конечном счете осуществляться в одних и тех же аппаратах — так называемых акратофорах¹. В 1936 г. испытания резервуарного метода производства игристых вин проходили на Донском заводе шампанских вин (ныне — Ростовский завод шампанских вин). В 1937 г. с конвейера здесь сошла первая бутылка «Советского шампанского», изготовленная резервуарным методом Фролова-Багреева. В 1939 г. в строй вошел Горьковский (ныне — Нижегородский) завод шампанских вин.

10 апреля 1942 г. А.М. Фролову-Багрееву присваивается звание лауреата Сталинской премии 1 степени и вручается орден Ленина. Все это происходит в атмосфере празднования успешного контрнаступления под Москвой, освобождения Московской, Тульской и частично Калининской и Смоленской областей. Горьковский завод шампанских вин продолжал свою работу, кстати сказать, в течение всей войны. И тогда же во время войны выходит основной научный труд Фролова-Багреева «Советское шампанское. Технология про-

¹ «Акратофор системы Фролова-Багреева» представляет собой вертикальный стальной цилиндр емкостью 5000 л или 10 000 л (бывают и малые акратофоры — на 350 л и 500 л), состоящий из двух частей, соединенных фланцами со сферическим дном и крышкой. Внутри акратофор покрыт эмалью, снаружи имеет три различные по высоте рубашки для охлаждения циркулирующим в них рассолом шампанизируемого вина с целью замедления брожения. В отличие от классического способа производства игристых вин при акратофорном, или резервуарном, методе (его также называют шарма), вторичное брожение происходит в течение 25–27 суток. Точнее, этот процесс останавливают путем снижения температуры после того, как давление в резервуаре достигнет величины около 5 атмосфер. Охлажденное шампанское выдерживается некоторое время на холоде, а затем разливается по бутылкам через мелкопористый фильтр под давлением углекислоты (частично собственной, частично вводимой в резервуар из баллона). При таком методе весь процесс происходит приблизительно в течение месяца. Подробнее: [Фролов-Багреев 1943; 1958]. См. также: [Павлов 1979: 233–236].

изводства шампанских (игристых) вин» (М., 1943; второе издание 1948 г.). Инициативные последователи Фролова-Багрева (умершего в 1953 г.) продолжают совершенствовать его метод и добиваются на этом поприще новых успехов. К 1960 г. Г.Г. Агабальянц, А.А. Мержанин и С.А. Брусиловский предлагают свою методику полностью автоматизированного процесса получения шампанского непрерывным потоком. В 1961 г. за это изобретение все они получили Ленинскую премию — и это присуждение также совпало со знаковыми событиями в жизни страны: XXII съездом КПСС, принятием нового устава и новой программы КПСС, провозгласившей двадцатилетний курс на построение коммунизма. Из газетного сообщения о присуждении Ленинских премий в области науки и техники советский читатель тогда же узнавал, что благодаря «оригинальному процессу изготовления шампанского в непрерывном потоке через систему бродительных аппаратов <...> в результате увеличивается производительность резервуарных заводов в 1,7 раза, снижается себестоимость продукции, а качество вина не ухудшается». Узнавал он и о том, что «в сентябре 1960 г. шампанскому, изготовленному по новому способу Московским городским совнархозом», была присуждена золотая медаль на конкурсе в Будапеште, откуда за несколько месяцев до этого были выведены советские войска, остававшиеся там на протяжении трех лет после подавления венгерского восстания (или в официальной терминологии тех лет — «венгерского контрреволюционного мятежа») [Литература и жизнь. 1961, 23 апр.].

При столь повышенном внимании власти к производству и пропаганде советского шампанского можно счесть символичным, что О.Б. Лепешинская, печально прославившаяся своим «учением» о «живом веществе», активной поддержкой Лысенко и травлей ученых-биологов, хотя и потеряла к началу 1960-х гг. дарованные ей некогда властные привилегии, искала отныне новых контактов с властью, пропагандируя шампанское как средство продления жизни и повышения производительности труда. В июне 1962 г. Лепешинская отправила Н.С. Хрущеву составленную ею обширную записку «О пересмотре закона о пенсионном обеспечении (повышении производительности труда за счет активного долголетия и борьбы с алкоголизмом)», в которой, помимо содовых ванн, советовала расширять производство шампанского как альтернативу крепким напиткам и самогоноварению. «Злостным самогонщикам, — писала она под конец своего послания, — нужно показать “кузькину мать”», что по контексту превращало излюбленное выражение председателя ЦК в альтернативное название советского шампанского [Гайсинович, Музрукова 1991: 90].

Последующее производство шампанских вин в СССР может быть названо интенсивным: на излете СССР, в 1984 г., в стране было уже 32 завода, выпускавших ежегодно более 249 млн бутылок «Советского шампанского», против 8 млн, выпущенных в 1940 г. [Плановое хозяйство 1984]. Взамен шампанского, которое на протяжении трехсот лет вырабатывалось исключительно бутылочным способом («когда, — как победоносно сообщала та же газета, — технологический цикл длится три года, а потери вина из-за разрывов бутылок составляют почти 20 процентов»), советский человек получил шампанское, производимое в цистернах: море шампанского.

Значение советского шампанского в жизни советского общества предстает на фоне всех этих, условно говоря, совпадений достаточно специфичным. Во-первых, уже самим своим названием оно непосредственно связано с государственной идеологией, наступательный характер которой проявляется в оксюморонном соединении двух топонимов, первый из которых как бы аннексирует собою второй. Известное безразличие к этому обстоятельству у соотечественников определяется в общем тем, что слово «шампанское» воспринимается по преимуществу как название вина, а не местности. «Советское французское» воспринималось бы, быть может, иначе, хотя и в этом я не уверен. Во-вторых, сама история советского шампанского так или иначе связана со значимыми событиями в жизни страны и — медийно — с этими событиями соотносится. Пить шампанское допустимо там, где его распитие не предполагает социально рискованного и идеологически предосудительного пьянства: преимущественно это официальные, «культурные» и, в идеале, общенародные торжества. Семантические различия при этом становятся особенно наглядными, если сравнить топику литературных упоминаний о шампанском в России XIX и XX вв.

Здесь я многого ожидал от недавней книги Т.Б. Забозлаевой «Шампанское в русской культуре XVIII—XX веков», в которой, по словам ее автора, «сделана попытка проследить историю русской культуры и нравов в связи с употреблением этого французского вина». К сожалению, книжка эта написана крайне незадачливо — достаточно сказать, что, предваряя свои выводы, автор начинает ее с такого утверждения: «Шампанское давно стало для россиян метафорой творчества» [Забозлаева 2007: 9]. Между тем примеры упоминаний шампанского в русской литературе XIX в. обнаруживают достаточно прозрачную и устойчивую топику, лишь в очень малой степени соотносимую с представлением о творчестве. В целом такая топка складывается в вариации семантического ряда «любовь — кутеж — гусары — барышни нетяжелого поведения — цыгане».

Так, у Грибоедова, как помним, Чацкий прокликает московское общество за то, что оно заливается шампанским, а общество обвиняет Чацкого в том, что он сам «шампанское стаканами тянул» (старуха Хлестова); «бутылками-с и пребольшими» (Наталья Дмитриевна); «нет-с, бочками сороковыми» (Загорецкий).

У Пушкина мифологизация шампанского возникает на основе пересечения двух традиций — античной и французской культуры, совмещающая коннотации «свобода», «любовь», «молодость».

У Гоголя в «Мертвых душах» Ноздрев хвастается: «Шампанское у нас было такое, что пред ним губернаторское — просто квас. Вообрази, не клико, а какое-то клико-матрадура, это значит двойное клико. И еще достал одну бутылочку французского под названием: бонбон. Запах — розетка и все что хочешь. Уж так покутили! <...> После нас приехал какой-то князь, послал в лавку за шампанским, нет ни одной бутылки во всем городе, все офицеры выпили. Веришь ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!»

У Тургенева в «Отцах и детях» о шампанском заходит речь в сцене встречи Базарова, Аркадия, Евдоксия и Ситникова: шампанское на завтрак, который заканчивается, по выражению Аркадия, бедламом.

У Льва Толстого в «Анне Карениной» шампанское упоминается в характеристике Левина: «Он был на “ты” со всеми, с кем пил *шампанское*, а пил он *шампанское* со всеми».

У Достоевского в «Братьях Карамазовых» шампанское — примета кутежа и демонстрация показной щедрости: «Ведь я, Алеша, ему за тебя *шампанского* сверх всего обещала, коль тебя приведет. Катай *шампанского*, и я стану пить! Феня, Феня, неси нам *шампанского*, ту бутылку, которую Митя оставил, беги скорее. Я хоть и скупая, а бутылку подам».

К концу XIX — началу XX в. намечаются изменения, но тоже не радикальные: шампанское как атрибут поэтического экстаза (особенно нарочито — у Игоря Северянина: «Ананасы в шампанском», «Шампанское в лилии») или эксцесс демонстративного потребления («ванна шампанского»)¹.

В советской культуре такие коннотации также могут связываться с шампанским. Так, во всенародно любимой комедии Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука» (1968) знаменитая фраза контрабандиста Лелика — героя Анатолия Папанина «По утрам шампанское пьют либо аристократы, либо дегенераты»

¹ См. также примеры, приводимые в статье: [Высочков 2005].

отсылает в общем к той же традиции кутежа и запойных непотребств (впрочем, и по фильму шампанское появляется в продолжение загула Геши Козодоева, а Лелик, хотя и осуждает утреннее распитие шампанского, тут же его и пьет да еще протирает им загривок). Но все же не эти коннотации являются определяющими применительно к восприятию шампанского в советской культуре. Скорее, речь в этих случаях должна идти прежде всего об общенародных праздниках и разного рода коллективных, но при этом не спонтанных, а заведомых и формализованных торжествах, вроде свадеб и круглых юбилеев. Распитие шампанского на празднование Нового года или, например, Восьмого марта ритуализовано и медийно закреплено. Особенно знаковыми в этом ряду стали лидеры советского кино- и телепроката «Карнавальная ночь» (1956) и «Ирония судьбы, или С легким паром» (1975), где перезвон бокалов с шампанским вполне можно считать элементом дящегося саундтрека (в случае с «Иронией судьбы» этот перезвон замечательно оттеняет звон пивных кружек с водкой в начале фильма). Немаловажной семиотической деталью, поддерживавшей идеологические коннотации, связываемые с советским шампанским, стало транслируемое по радио, а затем и по телевидению обращение Председателя ЦК КПСС с поздравлением к советскому народу, приуроченное — под бой кремлевских курантов — к новогодней полуночи.

В целом можно сказать, что если за шампанским в русской культуре XIX в. прослеживаются вольнолюбивые и гривуазные подтексты, то в советской культуре это хотя и праздничный, но, так сказать, принципиально «культурный» напиток, отличающий его потребителей от тех, кто предпочитает ему водку, портвейн и пиво. Важно и то, что коннотации эти идеологически окрашены и как бы уравниены между собою: с каждым глотком шампанского советский человек демонстрировал свою культурность и одновременно подтверждал свою советскость. Поэтому странный призыв, ставший одним из шедевров отечественной рекламы советских лет, «Пейте советское шампанское!» полон смысла даже при отсутствии других альтернатив: если бы такие альтернативы и были — советский человек не мог не пить советское шампанское, точно так же, как он не мог не быть советским человеком.

Для того чтобы кратко резюмировать сказанное и отчасти вернуться к той теории, с которой я начал, напомним здесь не новый уже тезис о подмене социальной действительности в советскую эпоху текстом и фантазмагорией. Так, интерпретируя невиданную популярность «Книги о вкусной и здоровой пище», Евгений Добренко писал, что «в мире тотальной дереализации жизни олитературированию подвергаются все социаль-

ные функции, и даже питание превращается в сталинизме в вербальный акт. Так что в конце концов оказывается, что умение правильно *читать пищу* является не только вершиной вкуса и залогом здоровья, но и единственным способом выживания, ничуть не менее важным, чем способность готовить и потреблять ее» [Добренко 2009; курсив автора. — К.Б.].

Я думаю, что применительно к алкоголю — или по меньшей мере к шампанскому — следует говорить как раз не о дереализации, а напротив — об эффективной апроприации советскими людьми той социальной действительности, в которой им довелось жить. «Советское шампанское» не исчезало из продажи вплоть до начала Перестройки, оно было сравнительно дорогим (в 1960-е гг. — 3 рубля 67 копеек, в 1970 г. — 4 рубля 17 копеек), но не настолько, чтобы советские граждане не могли себе позволить купить его на праздник. Юкка Гронов причислил такие продукты к тому типу потребления, складывающемуся в СССР в 1930-е гг., который можно назвать «демократической роскошью» (помимо шампанского Гронов относит сюда икру, коньяк, шоколад, пирожные и торты) [Gronow 1997; 2003]. Я согласен с таким определением, с тем, однако, уточнением, что шампанское как предмет этой роскоши было к тому же прескриптивно определено именно в качестве советского. Потребление продукта в этом случае вполне соответствовало его прочтению — во всяком случае прочтению того, что было написано на его этикетке. Я склонен думать, что процесс такого «чтения» вызывал у советских граждан преимущественно позитивные эмоции вне обязательной зависимости от того, какие эмоции у них вызывало содержимое самой бутылки.

Библиография

- Безелянский Ю.Н. Огненный век: российская панорама. XX век. М.: Пашков дом, 2001.
- Богданов К.А. Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М.: НЛО, 2009.
- Большевик [Москва]. 1936. Т. 13. Вып. 2.
- Винарская Е.Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2001. № 2. С. 9–13.
- Выскочков Л.В. Шампанское в культуре Петербурга в XIX — начале XX века // Петербург в мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 147–155.
- Гайсинович А.Е., Музрукова Е.Б. «Учение» О.Б. Лепешинской о «живом веществе» // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 71–90.

- Добренко Е.* Гастрономический коммунизм: вкусное vs. здоровое // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). <<http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/do9.html>>.
- Забозлаева Т.Б.* Шампанское в русской культуре XVIII–XX веков. СПб.: Искусство, 2007.
- Мержаниан А.А.* А.М. Фролов-Багреев — основоположник производства «Советского шампанского» // Виноделие и виноградарство СССР. 1978. № 1. С. 30–32.
- Павлов Д.В.* Стойкость. М.: Политиздат, 1979.
- Плановое хозяйство. М.: Гос. изд-во экономической, плановой и учетно-статистической литературы Госплана СССР, 1984.
- Фролов-Багреев А.М.* Советское шампанское. М.: Пищепромиздат, 1943.
- Фролов-Багреев А.М.* Труды по химии и технологии вина: В 2 т. М.: Пищепромиздат, 1958.
- Alexandrova A.* Subjective Well-Being and Kahneman's 'Objective Happiness' // Journal of Happiness Studies. 2005. Vol. 6. No. 3. P. 301–324.
- Gronow J.* Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia. Oxford: Berg Pub Ltd, 2003.
- Gronow J.* The Sociology of Taste. L.; N.Y.: Routledge, 1997.
- Kahneman D.* Objective Happiness // D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (eds.). Well-Being: Foundations of Hedonic Psychology. N.Y.: Russell Sage Found, 1999. P. 3–25.
- Reddy W.M.* Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // Current Anthropology. 1997. Vol. 38. P. 327–351.
- Reddy W.M.* Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions // Cultural Anthropology. 1999. Vol. 14. P. 256–288.